

УДК 343.97:328.185

ББК 67.518.1

Gorshenkov Gennadiy Nikolaevich,
doctor of law,
professor of the department of the criminal law
of Nizhegorodsky State University
named after N. I. Lobachevsky,
Nizhniy Novgorod,
e-mail: gen7976@yandex.ru

Горшенков Геннадий Николаевич,
д-р юрид. наук,
профессор кафедры уголовного права
Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород,
e-mail: gen7976@yandex.ru

ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

POLICY OF THE CORRUPTION COUNTERACTION

Рассматриваются понятия «политика противодействия» и «противодействие коррупции», обосновывается необходимость их дифференциации, проводится сравнительный анализ указанных категорий. Раскрываются существенные признаки антикоррупционной политики относительно высшего, среднего и низшего уровней государственного управления. Дается сравнительная характеристика целей, с одной стороны, политики противодействия, с другой — противодействия коррупции. Излагаются особенности двух уровней мышления: системного (преимущественно в подходе к определению понятия и содержания антикоррупционной политики) и предметного (в подходе к определению понятия и содержания деятельности по противодействию коррупции). Обосновывается необходимость разработки концепции политики противодействия коррупции.

The concepts «counteraction policy» and «corruption counteraction» are reviewed in the article; the necessity of their differentiation is justified; the comparative analysis of the mentioned categories is performed. The significant features of anti-corruption policy relative to the highest, middle and lowest levels of the state administration are revealed. The comparative characteristic of the goals of the counteraction policy on the one hand and the corruption counteraction on the other hand are provided. The peculiarities of two level of thinking are presented: systematic (mostly in the approach to definition of the concept and content of anti-corruption policy), and the subjects (in the approach to definition of the concept and content of corruption counteraction activity). The necessity of development of the corruption counteraction policy concept is substantiated.

Ключевые слова: политика, коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, государственное управление, преступность, противодействие преступности, уголовная политика, цель, концептуальная власть.

Keywords: policy, corruption, corruption counteraction, policy against corruption, state management, criminality, criminality counteraction, criminal policy, goal, conceptual power.

Актуальность и целесообразность постановки вопроса

Термин «политика» является весьма распространенным в уголовной теории, то есть интегрированном (юридическом и социологическом) учении о криминале (преступле-

нии, преступнике, обвинении, вреде и т. д.). Достаточно вспомнить «Очерки уголовной политики» М. П. Чубинского, в которых ученый анализирует развитие уголовно-политической мысли, начиная с античных времен и заканчивая началом XIX века.

Однако сегодня, когда интегрированное учение о преступности (как признаке деяния и признаке социального поведения или социально-юридическом явлении) разветвилось, образовав ряд наук уголовного цикла и соответствующих практик, политическое обеспечение их нуждается в соответствующем научном осмыслении. Так, возникает необходимость разработки не только уголовно-правовой, но и криминологической, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, оперативно-разыскной политики. Это сложный вопрос и потому чрезвычайно интересный и, естественно, важный в теоретико-прикладном отношении.

А сегодня мы говорим об интегрированной, или антикриминальной, политике и ставим перед собой лишь одну задачу — выяснить, в чем состоит различие политики обеспечения борьбы с преступностью и самой этой борьбой. И делаем это на примере борьбы, или противодействия, с одним из видов преступности — коррупционной, точнее, коррупцией как криминогенным и криминальным феноменом, тем более что коррупция официально признана угрозой национальной безопасности.

Это в особенности целесообразно, поскольку в теории и практике эти два понятия редко дифференцируются, например, правоприменительная практика и политика ее обеспечения трактуются как одно и то же. Данное смешение делает ненужным понимание не только того, что мы называем антикриминальной, в том числе антикоррупционной, политикой, но и понимание большего — научности управления в сфере противодействия коррупции. А это, как известно, чревато тем, что теория, оставаясь не востребуемой, или мертвой, обрекает практику на слепоту.

Постановка проблемы. Начнем с того, что можно назвать аксиомой: антикоррупционная политика и противодействие коррупции не одно и то же. Между тем, как показывают наши наблюдения, мы вынуждены доказывать эту аксиому. Обратимся к такому определению: «Осуществление последовательных мер государства — разработка и постоянное осуществление разносторонних и последовательных мер государства и общества с целью устранения (минимизации) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию». Очевидно, что мало у кого возникнет сомнение, что в этом определении выражена сущность противодействия коррупции. И с этим можно было бы со-

гласиться, не будь к тому пояснительного термина: «антикоррупционная политика». Оказывается, что политика есть не что иное, как деятельность по разработке и реализации мер по устранению причин коррупции.

Речь идет о понятии «антикоррупционная политика», которое дает М. Б. Горный [1]. В прилагаемом кратком словаре ученый приводит следующую, еще более сжатую дефиницию: «Антикоррупционная политика — меры государства и общества, направленные на устранение причин коррупции» [Там же].

Подобное определение анализируемого понятия настолько распространено, что вполне может быть воспринято как эталонное. В частности, его (со ссылкой на проф. Г. А. Сатарова, автора данного определения) приводят в своей статье В. Ю. Качалов, А. Н. Казаков [2, с. 85]. Почти без изменений данное определение приводят авторы словарей-справочников «Коррупция и антикоррупционная политика» [3, с. 8], «Антикоррупционный словарь», изданного в 2013 году Министерством экономики Кыргызской Республики [4, с. 7]. Даже известный специалист в «антикоррупционной» области знаний профессор В. В. Астанин сводит понятие антикоррупционной политики к той же государственной антикоррупционной деятельности, определяя ее как «совокупность законодательных, экономических, политических, информационных, организационных мер, направленных на государственное регулирование в области противодействия коррупции» [5].

И такой подход является довольно распространенным. Например, аналогично определяет антикоррупционную политику соискатель ученой степени кандидата политических наук С. Ю. Новиков, который находит ее сущность «в разработке и осуществлении разносторонних и последовательных мер по устранению причин и условий, порождающих и стимулирующих коррупцию в разных сферах жизни, а также мер по привлечению коррупционеров к гражданско-правовой и уголовной ответственности» [6].

И уж никак нельзя согласиться с аналогичным определением, которое дано в проекте «Основных направлений антикоррупционной политики России», опубликованном на официальном сайте специализированной организации «Национальный Антикоррупционный Совет Российской Федерации»: «Антикоррупционная политика заключается в разработке и осуществлении разносторонних и последовательных мер государства и общества по устранению (минимизации) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в разных сферах жизни» [7].

В упомянутых определениях имеет место подмена сущностной основы антикоррупционной политики сущностной основой все той же государственной антикоррупционной деятельности. Получается, что противодействие коррупции, или антикоррупционная деятельность, и антикоррупционная политика государства и общества — одно и то же. Но это не совсем так. Попробуем разобраться с данными понятиями — «деятельность» и «политика» — применительно к государственному управлению.

О «политике» и «деятельности». Как отмечалось в самом начале, политика тоже является видом социальной деятельности. Политика и управленческая деятельность неразрывно связаны прежде всего профессионально-публичным характером деятельности [8]. И если рассматриваем эти категории отдельно, то это вовсе не означает, что наделяем их своеобразным суверенитетом. Здесь мы имеем дело с условной дифференциацией, которую предполагает метод сравнительного анализа явлений.

Цель такого анализа заключается в том, чтобы проанализировать, уяснить сущностные особенности этих составляющих — антикоррупционной политики и антикоррупционной деятельности, что необходимо для обеспечения гармонизации взаимосвязей, интеграции их энергий. Решение этой задачи предполагает оптимизацию эффективности государственного управления в сфере противодействия коррупции.

Государственное управление. Не вдаваясь в подробности, обратимся к наиболее общим и характерным признакам государственного управления, то есть управления всеми делами в государстве, или к адресной, властной, исполнительно-распорядительной деятельности. С одной стороны, она исполнительная в том смысле, что осуществляется на основе или во исполнение закона. С другой стороны, она сама диктует необходимость в законах, точнее, в подзаконных актах, благодаря которым реализуется процесс непосредственного руководства хозяйственными, социально-культурными, административно-политическими и иными делами. Конкретные исполнители отвечают за качество исполнения конкретных дел (например, плановых мер) и получают соответствующие награждения или наказания [9, с. 37—38].

Таким образом, государственное управление как вид социальной деятельности рассматривается в широком и узком значении. В узком смысле «это административная, исполнительно-распорядительная деятельность государства. <...> В широком смысле — это организующая, упорядочивающая деятельность государства, государственное регулирование различных общественных (а иногда и некоторых личных) отношений путем деятельности всех ветвей государственной власти, <...> их органов, государственных служащих» [10, с. 11].

Назначение этого вида деятельности состоит в том, чтобы урегулировать и упорядочить жизнедеятельность и отношения (между личностью и коллективом, государством и обществом), установить их рациональные взаимосвязи путем применения государственной власти [Там же]. При этом реализуются различные меры (например, утверждение плана мероприятий, выполнение антикоррупционной экспертизы, проведение организационного совещания, назначение на должность и т. п.), которые никак нельзя назвать мерами политики. Но именно через эти и подобные им меры, в целом через государственную управленческую деятельность и реализуется государственная политика [11]. И здесь, на этом низшем уровне управления, находит выражение ее наивысший, политический уровень.

Вот этот эффект внешнего совпадения и провоцирует подмену понятий или, как было сказано выше, их смешение.

Уголовная политика. А теперь сузим аспект рассмотрения государственной политики и выделим в ней антикриминальную политику, или политику в области борьбы с преступностью (противодействие преступности), в числе основных отраслей которой можно указать уголовную, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, оперативно-разыскную и криминологическую политику. Надо сказать, что в этой отрасли наибольшее теоретическое осмысление получило такое направление, как уголовная политика. Уже в одном из первых определений понятия уголовной политики, которое предложили Н. И. Загородников и Н. А. Стручков, основной акцент был сделан на принципах борьбы с преступностью: «Уголовная политика представляет собой такое направление

советской политики, в рамках которого формируются исходные требования борьбы с преступностью» [12, с. 4].

Профессор П. Н. Панченко, проанализировав существующие подходы к определению уголовной политики, пришел к выводу, что сущностная основа уголовной политики состоит в том, «что уголовная политика формирует главную линию, стратегические и тактические направления борьбы с преступностью» [13, с. 77].

Здесь же нелишне добавить, что, например, в учебнике по уголовному праву под редакцией профессора В. П. Ревина определена в принципе та же сущностная основа уголовной политики, то есть которая «призвана обеспечивать разработку и реализацию направлений и задач, обеспечивающих эффективную борьбу с преступностью» [14, с. 14].

Эта принципиальная, правильная точка зрения на понимание сущности уголовной политики прослеживается и в других учебниках по уголовному праву. Например, в учебнике, изданном Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова, в соответствующей главе (написанной профессором В. С. Комиссаровым) дано такое ее определение: «Уголовная политика — это выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, принципы, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного законодательства, практики его применения, а также воздействия на правовую культуру и правовое сознание населения» [15, с. 34].

Обратим внимание на главную сущностную особенность политики — выработку стратегической линии и соответствующих ей принципов (руководящих идей), основных направлений, целей и средств противодействия преступности, что составляет основу управленческой, прежде всего законотворческой, правоприменительной деятельности. Конечной целью уголовной политики автор определяет максимальное сокращение преступности. Особенно важно выделить в этой авторской уголовно-политической концепции положение о несводимости политики к деятельности — законодательной и правоприменительной. «Современная уголовная политика потому и называется политикой, — пишет В. С. Комиссаров, — что она несводима только к формированию законодательной базы и практики применения законодательства. Более важной является ее политическая составляющая — определение идеологии борьбы с преступностью» [Там же. С. 35—36] (выделено нами. — Г. Г.).

Таким образом, исходя из этих основополагающих идей относительно политики, уголовной политики, можно с бесспорной убежденностью утверждать, что в определении понятия антикоррупционной политики, которое было приведено выше, ничего политически сущностного нет.

Цели политики и деятельности. Таким образом, можно сказать, что по отношению к государству политика — дело его ума, а деятельность — дело его рук. В том и другом случае, разумеется, имеет место рациональное начало. Однако если в первом случае это начало превращается в исток научной, идеологической мысли, то во втором случае оно формирует умения и навыки. И только интегрированная энергия ума и рук способна рожать профессионализм.

Представим себе двух субъектов управления. Первый мыслит в сфере мировоззренческой и находит перспективную идею искоренения причин и условий коррупции в стране. И вот эта захватывающая идея превращается в политическую цель, соотносимую с целью уголовной политики — максимальным сокращением коррупции.

Второй трудится над тем, чтобы организовать и успешно провести такой оперативный эксперимент, как провокация взятки. Он может не только не разбираться в политике, ее руководящих идеях, но и вообще не знать, что это такое. Он просто делает свое дело.

В первом случае мы имеем дело с относительно безадресной политической целью-ориентиром. Сроки достижения ее не определены. Предусматривается только возможность ее достижения, и то ненадолго, если учесть объективные закономерности социальных явлений и большую историческую практику бесплодной борьбы с коррупцией. Можно смело утверждать, что политическая цель в конечном виде недостижима. Во втором случае имеет место конечная цель конкретного правоприменительного действия. И эта цель достижима.

В этом, в частности, состоит различие между политической и деятельностью. Например, на заре юридического учения о преступлении и наказании один из основоположников классической школы Чезаре Беккариа, размышляя над целями уголовного наказания и исходя из основополагающих политических идей обоснованности, справедливости и реальных возможностей, сформулировал такое классическое положение: «Цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же» [16, с. 106]. При этом цель «удержать других» Ч. Беккариа определял как цель политическую. «Какова политическая цель наказания? — задавался вопросом мыслитель и отвечал на него: — Устрашение других» [Там же]. Но мы знаем, насколько эффективно такое устрашение, и эта цель явно недостижима. Она по своей сущности представляет скорее функцию наказания, то есть его назначение, в котором выражается триединство действия наказания: характер, целесообразность и направленность.

Как видим, законодательная, правоприменительная цели являются конкретными, то есть индивидуализированными. И управленческая деятельность направлена на их достижение по отношению к конкретному осужденному. Как предписывает ч. 2 ст. 43 УК РФ, «наказание применяется в целях <...> исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». И в большинстве своем эта цель достигается, о чем можно судить по такой статистической величине, как первичная преступность по отношению к повторной, в том числе рецидивной, преступности. Таким образом, мы имеем все основания утверждать о возможности реального целедостижения. В данном случае не будем касаться оценки его результативности. Это другой вопрос.

К сожалению, практика устами ее профессионалов безапелляционно резюмирует: «Цель почти всегда выбирается правильно. А средства почти всегда указываются неверно» [17, с. 124]. И это во многом объясняет значительный процент недостижимости реалистичных целей.

Что касается «политической цели», или задачи предупреждения преступлений вообще (одна из задач, предусмотренных ч. 1 ст. 2 УК РФ), то определение ее целедостижимости невозможно по тем же формальным критериям, по которым мы оцениваем реализацию уголовно-правовой, точнее уже перешедшей в статус правоприменительной цели. Здесь речь идет не об оценке конечного успеха реалистичной цели, а о косвенной оценке успешности политики на пути к ее стратегической цели.

Такая цель, например, антикоррупционной политики (определенная в Национальной стратегии противодействия

коррупции как «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе» [18]) представляет собой «образ желаемого, идеальный результат, к которому стремятся политические субъекты и который является побудительным мотивом деятельности» [19, с. 414].

Дух государственного управления. Кроме того, цель в политике имеет и другие побудительные силы — организационную, мобилизационную; в ней интегрированы общие интересы, стремления субъектов управленческой деятельности в области противодействия коррупции [Там же]. Подобно великому Монтескье, создавшему научный образ духа законов, можно сказать о политике как духе государственного управления. Таким образом, следует различать достигаемую, реальную, планируемую цель антикоррупционной управленческой деятельности и идеальную, направляющую, целесообразную идею, сфокусированную на такой же объект, идеализированный, или абстрактный, принципиально не осуществляемый в опыте и действительности [20, с. 150], — причинность коррупции.

Политика достаточно эмоциональна, то есть чувствительна к общественному мнению и правонастроению, весьма подвержена воздействию текущих событий, предпочтением социальных групп, политических партий, их лидеров, особенно в случае придания им публичности через СМИ. И это сказывается на ее динамичности; реализации политических идей, установок; выяснении и вполне возможной корректировке целесообразности государственных действий, их оценочных характеристик.

В отличие от политики государственная управленческая деятельность более рациональна, нормативно урегулирована и организована, направлена на решение конкретных задач, анализ своей государственной деятельности и оценку ее результатов [Там же].

Антикоррупционная политика. Итак, антикоррупционную политику можно определить как научную разработку и практическую реализацию основных принципов, стратегических направлений, тактических задач и методов их решения на основе научно обоснованной оценки и прогнозирования явления коррупции и криминологической ситуации в целом и расчетов реальных возможностей (правовых, кадровых, финансовых, материальных и др.) их реализации.

Как видим, в предлагаемом (для обсуждения и дальнейшего совершенствования) определении выражена главная идеологическая сущность функции государственного управления в сфере противодействия коррупции. Идеология в данном контексте подразумевает систему взглядов, оценок, руководящих идей, которые характерны той или иной общности, в нашем случае — для определенных субъектов управления.

К таким субъектам относятся прежде всего руководители первого уровня (имеется в виду трехуровневая система управления, хотя правоохранительная система ныне имеет четырехуровневую структуру [21, с. 21]) или высшего звена. Их функции осуществляются в пределах решения наиболее общих проблем функционирования системы управленческого воздействия на коррупцию. Соответственно объектом их идеологического (политического) воздействия является сама система управления.

Руководители второго уровня, или звена управления, являются одновременно и субъектами (проводниками) политики, и объектами-исполнителями.

Наконец, на третьем уровне (низшем звене) функционируют чистые исполнители (политически обоснованных) мероприятий.

Данная условная схема наглядно показывает соотношение политики и деятельности: с одной стороны, это два относительно самостоятельных вида — умственной и физической деятельности; с другой стороны, политика как идеологическая энергия реализуется в законодательной, а затем в правоохранительной деятельности. Образно говоря, политика и деятельность — это душа и тело государственного управления.

В данном случае напрашиваются на сравнение два уровня мышления — системное и предметное. Предметное мышление можно уподобить эмпирическому скольжению (на «бреющем полете») над «землей» — низшим уровнем государственного управления. Увы, но с этого «верха» видно далеко не все. Необходимо другое, системное мышление, для чего нужно взлететь на такую высоту, с которой открываются стратегические горизонты сферы управления, и тогда «земная» деятельность будет определена в нужном и научно освещенном для «землян-исполнителей» направлении, в котором предусмотрительно будут просчитаны и условия целеосуществления. Неразрывность такого соотношения теории и практики хорошо иллюстрирует великий стратег генералиссимус А. В. Суворов: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа».

Концептуальная власть. Возвращаясь к «системе оценок, взглядов, руководящих идей», следует употребить по отношению к ним термин «концепция» (от лат. *conceptio* — восприятие), который определяется как просвещенное восприятие какого-либо явления, в нашем случае — коррупции, или система взглядов на это явление. Именно концепция выступает как упомянутая система руководящих идей и положений о коррупции; процессах, которые так или иначе связаны с ней; как способ ее рассмотрения, понимания [22, с. 330].

Учитывая силу идей (которые, как известно, правят миром), концепция, из них состоящая, как бы выражает собой интегрированную силу идей, которую называют концептуальной властью. Именно она и воплощается в образе политической власти.

Размышляя о современной российской государственной антикоррупционной политике, Г. В. Хорольский указывает на одну из ключевых ее проблем, которая заключается в отсутствии надлежащей научной разработки концептуально-правовых основ антикоррупционной политики. «Российская государственная антикоррупционная политика, — пишет ученый, — характеризуется низким уровнем концептуально-правовых основ». И этим, по его мнению, обусловлены «неопределенность правовых идей и принципов, низкий уровень унификации понятийно-терминологического аппарата, отсутствие официально принятого концептуального определения коррупции» [23, с. 159] и, добавим, самого определения антикоррупционной политики.

Одним из объяснений сложившейся ситуации следует считать отсутствие той самой концептуальной властной силы, которая воплощается в политическую власть. Нужна официальная концепция антикоррупционной политики, что означает научную продуманность, обоснованность реальной политики, а не соответствующего пафосного термина, придающего благозвучие и напускную серьезность деловым речам, политическим выступлениям и научным публикациям на актуальную тему коррупции.

Резюме. Сегодня, к сожалению, приходится сталкиваться с более чем прохладным отношением к феноме-

ну «концепция» некоторых специалистов в области уголовного права и криминологии. И ничего удивительного в этом нет, если учесть, что понимание ими политики не более чем «элементарной» «деятельности по разработке

и реализации мер...» выступает своего рода «эмпирическим ограничителем» их мышления, возможности которого сводятся до того самого «эмпирического скольжения» над «землей».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горный М. Противодействие коррупции. Глава 6 [Электронный ресурс]. URL: http://www.anticor.wildfield.ru/analit/protiv_korr.html (дата обращения: 07.12.2013).
2. Качалов В. Ю., Казаков А. Н. Антикоррупционная политика как функция государства // Коррупция как социально-правовая проблема современной России: мат-лы круглого стола (21 апреля 2004 года). Казань, 2004. 108 с.
3. Антикоррупционная политика национального государства // Коррупция и антикоррупционная политика: словарь-справочник / Под общ. ред. П. А. Кабанова. М.: Медиа-Пресс, 2008. 144 с.
4. Антикоррупционная политика государства // Антикоррупционный словарь. Бишкек, 2013. 114 с.
5. Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/antikorrupsionnaya-politika-rossii-kriminologicheskie-aspekty> (дата обращения: 02.10.2013).
6. Новиков С. Ю. Антикоррупционная политика российского государства в современных условиях: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/antikorrupsionnaya-politikarossiiskogo-gosudarstva-v-sovremennykh-usloviyakh> (дата обращения: 17.10.2013).
7. Основные направления антикоррупционной политики России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.korupcii.net/index.php?s=4&id=14> (дата обращения: 09.10.2013).
8. Государственное управление и политика как отрасль политической науки // Политико-административное управление: учеб. / Под ред. В. С. Комаровского, Л. В. Сморгунуова. М.: ПАГС, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://allolitologija.ru/knigi/politiko-administrativnoe-upravlenie-uchebnik-komarovskogo/gosudarstvennoe-upravlenie-i-politika-kak-otraslitoliticheskoi-nauki> (дата обращения: 08.10.2013).
9. Григорян С. А., Бровко Н. В., Соколова Ю. А. Административное право. М. – Ростов-н/Д: ИЦ «МарТ», 2002. 256 с.
10. Чиркин В. Е. Государственное управление. Элементарный курс. М.: Юристъ, 2002. 320 с.
11. Административное право Российской Федерации / Ю. Ф. Дмитриев, И. Ф. Казьмин, В. В. Лазарев и др. М.: Система Гарант, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://studlib.com/content/view/1331/23> (дата обращения: 08.10.2013).
12. Загородников Н. И., Стручков Н. А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 3—11.
13. Панченко П. А. Советская уголовная политика: общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет / Под ред. В. К. Бабаева. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. 198 с.
14. Уголовное право России. Общая часть: учеб. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2010. 496 с.
15. Комиссаров В. С. Уголовная политика // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / Под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.
16. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс; БИМПЛ, 1995. 304 с.
17. Альтшуллер Г. С. Основы изобретательства. Воронеж: Центрально-черноземное книжное изд-во, 1964. 240 с.
18. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010—2011 годы: Указ Президента Российской Федерации № 4600 от 13 апреля 2010 года // Российская газета. 2010. 15 апреля.
19. Политология. Краткий словарь / Н. А. Басенко и др. Ростов-н/Д: Феникс, 2001. 448 с.
20. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 445 с.
21. Хадисов Г. Х. Распределение компетенции органов внутренних дел в правоохранительной сфере на различных уровнях управления: теоретические и организационно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 25 с.
22. Концепция // Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова, Л. С. Шаумяна. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1964. 784 с.
23. Хорольский Г. В. Государственно-правовая антикоррупционная идеология в структуре российской правовой системы: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2011. 195 с.

REFERENCES

1. Gorny M. Corruption counteraction. Chapter 6 [Electronic resource]. URL: http://www.anticor.wildfield.ru/analit/protiv_korr.html (date of viewing: 07.12.2013).
2. Kachalov V. Yu., Kazakov A. N. Anti-corruption policy as the state function // Corruption as the social-legal issue of the modern Russia: materials of the round table (April 21, 2004). Kazan, 2004. 108 p.
3. Anti-corruption policy of the national state // Corruption and anti-corruption policy: reference dictionary / Edited by P. A. Kabanov. M.: Media-Press, 2008. 144 p.
4. Anti-corruption policy of the state // Anti-corruption dictionary. Bishkek, 2013. 114 p.
5. Astanin V. V. Anti-corruption policy of Russia: criminological aspects: abstract of dissertation of the doctor of law. M., 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.dissercat.com/content/antikorrupsionnaya-politika-rossii-kriminologicheskie-aspekty> (date of viewing: 02.10.2013).

6. Novikov S. Yu. Anti-corruption policy of the Russian state in the modern conditions: abstract of dissertation of the candidate of political sciences. Stavropol, 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.dissercat.com/content/antikorrupcionnaya-politikarossiiskogo-gosudarstva-v-sovremennykh-usloviyakh> (date of viewing: 17.10.2013).

7. Main trends of anti-corruption policy of Russia [Electronic resource]. URL: <http://www.korupcii.net/index.php?s=4&id=14> (date of viewing: 09.10.2013).

8. State administration and policy as the branch of political science // Political-administrative management: textbook / Edited by V. S. Komarovskiy, L. V. Smorgunov. M.: RAGS, 2004 [Electronic resource]. URL: <http://allolitologija.ru/knigi/politiko-administrativnoe-upravlenie-uchebnik-komarovskogo/gosudarstvennoe-upravlenie-i-politika-kak-otrasloliticheskoy-nauki> (date of viewing: 08.10.2013).

9. Grogiryan S. A., Brovko N. V., Sokolova Yu. A. Administrative law. M.–Rostov-on-Don: Publishing center «MarT», 2002. 256 p.

10. Chirkin V. E. State administration. Elementary course. M.: Yurist, 2002. 320 p.

11. Administrative law in the Russian Federation / Yu. F. Dmitriyev, I. F. Kazmin, V. V. Lazarev, et al. M.: Garant system, 2008 [Electronic resource]. URL: <http://studlib.com/content/view/1331/23> (date of viewing: 08.10.2013).

12. Zagorodnikov N. I., Struchkov N. A. Trends of studying the Soviet criminal law // Soviet state and law. 1981. № 7. P. 3–11.

13. Panchenko P. A. Soviet criminal policy: general theoretical concept of fighting against criminality: its establishing and subject // Edited by V. K. Babayev. Tomsk: Publishing house of Tomsk university, 1988. 198 p.

14. Criminal law of Russia. General part: textbook, 2-d edition, revised and amended / Edited by V. P. Revin. M.: Yustitsinform, 2010. 496 p.

15. Komissarov V. S. Criminal policy // Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook for higher school / Edited by V. S. Komissarov, N. E. Krylova, I. M. Tyazhkova. M.: Statute, 2012. 879 p.

16. Bekkaria Ch. About crimes and punishments. M.: Stels; BIMPL, 1995. 304 p.

17. Altshuller G. S. Fundamentals of invention. Voronezh: Central-black-soil book publishing house, 1964. 240 p.

18. On the National strategy of corruption counteraction and National plan of corruption counteraction for 2010–2011: Decree of the President of the Russian Federation № 4600 dated April 13, 2010 // Russian newspaper. 2010. April 15.

19. Science of policy. Brief dictionary / N. A. Basenko et al. Rostov-on-Don: Phoenix, 2001. 448 p.

20. Philosophical dictionary / Edited by I. T. Frolov. 6-th edition, revised and amended. M.: Politizdat, 1991. 445 p.

21. Khadisov G. Kh. Distribution of competence of the internal affairs authorities in the law protection area at different levels of management: theoretical and organizational-legal aspects: abstract of dissertation of the candidate of law. M., 2003. 25 p.

22. Concept // Dictionary of foreign words / Edited by I. V. Lekhin, S. M. Lokshina, F. N. Petrov, L. S. Shaumyan. 6-th edition, revised and amended. M.: Soviet encyclopedia, 1964. 784 p.

23. Khorolsky G. V. State-legal anti-corruption ideology in the structure of Russian legal system: theoretical-legal analysis: dissertation of the candidate of law. Rostov-on-Don, 2011. 195 p.

ПОДПИСКА

Оформить подписку на научный журнал «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса» на 2014 год можно:

- *в любом почтовом отделении связи по каталогу «Почта России» (индекс по каталогу 38683);*
- *непосредственно в редакции журнала, расположенной по адресу: 400010, г. Волгоград, ул. Качинцев, 63, каб. 105 (редакционный индекс P8683);*
- *с помощью заявки, отправленной по электронной почте meon_nauka@mail.ru, с указанием ФИО, почтового индекса, адреса, срока подписки и стоимости.*

СТОИМОСТЬ

(без комиссии за услуги почты)

**подписки на 1 год
1200 руб.**

**Стоимость подписки
на 6 месяцев
600 руб.**

**Стоимость подписки
на 3 месяца
300 руб.**

*Контактная информация:
главный редактор Ващенко Александр Николаевич,
моб. тел.: 8-909-384-16-61; 8-902-38-65-549*

*Адрес редакции научного журнала:
400010, г. Волгоград, ул. Качинцев, 63, каб. 105
E-mail: meon_nauka@mail.ru*